

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (112). С. 66–79.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025.
 no.1 (112). Pp. 66–79.

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
 (юридические науки)**

Научная статья
УДК 340.1

**ЛИХОИМСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
 НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII –
 НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЙ**

Сысоев Алексей Александрович

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация,
 daosss1972@yandex.ru

Введение. В современных условиях закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия преступлениям коррупционной направленности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний, предметом – сопутствующие этому процессу факторы и условия. Научная новизна проведенного исследования заключается в выявлении причин и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых в процессе служебной деятельности царскими наместниками – воеводами и чиновниками новой формации – губернаторами.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены причины, содержание, тенденции и закономерности распространения различных форм должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII столетий.

Выводы и заключения. Традиции кормления, сохранявшиеся в XVIII столетии в служилой и чиновничьей среде, в Сибири усугублялись спецификой военных форм ее освоения. Практически неограниченные полномочия царских наместников, интегрированные жаждой наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям. Предельное удаление от метрополии исключало как эффективный контроль за деятельностью царских наместников, так и своевременное реагирование на жалобы, что порождало полное ощущение безнаказанности. Возникшее на основе кормления и выражавшееся первоначально в превышении установленных норм податных сборов лихоимство как способ незаконного получения доходов в сибирских реалиях приобрело наиболее агрессивные формы и оказало всеобъемлющее влияние на местное администрирование.

Ключевые слова: должностное преступление, взятка, кормление, лихоимство, наместник, чиновник, нажива, полномочия

Для цитирования: Сысоев А. А. Лихоимство как проявление должностной преступности на территории Восточной Сибири в конце XVII – начале XVIII столетий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. № 1 (112). С. 66–79.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

EXTORTION AS A MANIFESTATION OF OFFICIAL CRIME ON THE TERRITORY OF EASTERN SIBERIA IN THE LATE XVII-EARLY XVIII CENTURIES

Alexey A. Sysoev

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation, daosss1972@yandex.ru

Introduction. In modern conditions, attention to the problems of countering corruption-related crimes has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of official crime in the territory of Eastern Siberia as an independent group of illegal acts, the subject is the factors and conditions accompanying this process. The scientific novelty of the conducted research lies in identifying the causes and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by the royal governors – voivodes and officials of the new formation – governors in the course of their official activities.

Methods and Materials. The paper uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study. The paper identifies the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of official crime in Eastern Siberia in the late XVII-early XVIII centuries.

Findings and Conclusions. The traditions of feeding, which were preserved in the service and official environment in the XVIII century, in Siberia were aggravated by the specifics of military forms of its development. The almost unlimited powers of the royal governors, integrated by the thirst for profit, led to comprehensive abuses. The extreme distance from the metropolis excluded both effective control over the activities of the royal governors and timely response to complaints, which gave rise to a complete sense of impunity. Originated on the basis of feeding, and expressed initially in exceeding the established norms of taxes, extortion as a way of illegally obtaining income in Siberian realities has acquired the most aggressive forms and had a comprehensive impact on local administration.

Keywords: official crime, bribery, feeding, extortion, governor, official, profit, powers

For citation: Sysoev A.A. Lihoimstvo kak proyavlenie dolzhnostnoj prestupnosti na territorii Vostochnoj Sibiri v konce XVII-nachale XVIII stoletij [Extortion as a manifestation of official crime in the territory of Eastern Siberia at the end of the XVII-beginning of the XVIII centuries]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025, no. 1 (112), pp. 66–79.

Принято считать, что возникновение и развитие должностной преступности как самостоятельной группы противоправных деяний имеет прямую зависимость от эволюции государственной системы управления. По мнению отечественных исследователей, определенный уровень развития государственности непосредственно отражается на структуре и характере преступлений данной группы.

В этом смысле система кормлений, введенная Великими Московскими князьями как способ организации местной административной и судебной власти, послужила своеобразным конструктом для появления различных злоупотреблений в управленческой сфере. Злоупотребления эти первоначально выражались главным образом в излишних поборах с населения. В последующем появилось и их логическое продолжение – лихоимство. По определению Владимира Ивановича Даля в досоветское время этим термином обозначалось взяточничество¹.

Лихоимство как способ противоправных деяний являлось одним из первых и наиболее распространенных видов должностной преступности в Московском государстве. Возникнувшее, по мнению русского криминалиста Константина Дмитриевича Анциферова, из понятия о превышении норм, установленных для кормленщиков, оно вылилось в понятие незаконного получения доходов должностными лицами за действия, которые они обязаны были совершать по долгу службы [1, с. 23]. Само же кормление, несмотря на земскую реформу Ивана IV, направленную на его упразднение, официально признавалось еще в течение всего XVII века. О том, что с этим же началом приходилось не только считаться, но и бороться в течение почти всего XVIII века, отмечал видный юрист Валериан Николаевич Ширяев [2, с. 79]. Злоупотребления, основанные на системе кормления, по свидетельству современников тех событий, были многочисленны и разнообразны. Они чинились как за счет местного населения, так и за счет интересов государства.

Царским наместникам – воеводам, исполнявшим судебные и административные функции, трудно было отрешиться от сложившихся за века взглядов на службу как на источник доходов. Более того, зачастую их стремление к незаконному обогащению в еще больших размерах инициировало превышение властных полномочий, сопровождавшихся насильственными действиями с целью принуждения к даче взятки. «Кормление, соединенное со злоупотреблениями, – по мнению дореволюционного исследователя Вячеслава Михайловича Грибовского, – не казалось им пороком, по существу таковым оно являлось только с точки зрения царских указов, сознанию же определенного круга людей представлялось обычным заурядным, естественным явлением» [3, с. 15].

Один из лидеров областнического движения Николай Михайлович Ядринцев утверждал, что в случае с Сибирью «все это, вырабатывалось постепенно историей и жизнью этой страны» [4, с. 470]. Практиковавшиеся изначально на протяжении XVI–XVII столетий военные формы освоения сибирских территорий находили свое искаженное отражение в дальнейшем административном устройстве края.

При переводе на гражданское управление, согласно образному сравнению Н. М. Ядринцева, «военный побор и контрибуции переходили во взятку, полон переходил в кабалу, рабство инородцев и абсолютное повиновение, требуемое завоевателем, переносилось

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительное умноженное по рукописи автора. СПб.-М., 1881. Том второй. С. 262.

на колониста». В итоге, по мнению ученого, «самая нажива и хищничество [стали] считаться совершенно законным, естественным в новозавоеванном крае» [4, с. 471].

Правительство же, по сведениям отечественных исследователей, «само не знало ничего о Сибири и само расписывалось в своем незнании, давая обыкновенно воеводам сибирским инструкцию: делать по тамошнему делу и по своему высмотру, как будет пригоже и как бог вразумит» [5, с. 59]. При этом, как замечал Иркутский губернский воинский начальник Владимир Константинович Андриевич, мощь воевод возрастала в зависимости от отдаления их резиденций от провинциальных и губернских городов, в связи с чем «наибольшею бесконтрольностью, а следовательно, и произволом, – пользовались воеводы сибирских городов» [6, с. 71].

Естественно поэтому, по мнению русского историка Петра Михайловича Головачева, «самая отдаленная окраина России того времени – Сибирь была в наиболее безотрадном положении» [5, с. 4].

Предельное удаление от центров принятия решений порождало ощущение безнаказанности, а практически неограниченные полномочия, интегрированные жаждой наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям, когда большая часть административных ресурсов царских наместников направлялась на личное обогащение.

В одних случаях, как это было заведено у Енисейских воевод Андрея Леонтьевича Ошанина и Василия Елизаровича Голохвастова, практиковалась «отдача на откуп не только зерни и корчмы, но и безмужных жен на блуд». Причем воевода Голохвастов, как утверждал историк Иван Васильевич Щеглов, помимо «откупа рублей по 100 и больше... тем блудным женкам велел наговаривать на торговых и проезжих и промышленных людей, напрасно, для взятки»².

В других случаях, как это сложилось в Якутске, воеводы Петр Петрович Головин и Василий Никитич Пушкин предпочитали злоупотребления в ясачном сборе, осуществляя в целях наживы как грабеж инородческого населения, так и обман центральных властей.

Используя возможность бесконтрольного обогащения на ясачном сборе, воеводы давали откуп сборщикам за взятки, позволяя последним еще большие злоупотребления в отношении инородцев. При этом, помимо махинаций с пушниной, в Якутске практиковались аресты купцов под вымышленными предложениями с последующим освобождением за взятку. По свидетельству современников тех событий, число посаженных таким образом в тюрьму доходило временами до 100 человек, а сами купцы уже не осмеливались ездить из Енисейска в Якутск, вследствие чего происходили остановки в торговле и уменьшение таможенного сбора.

Известный отечественный историк и архивист Николай Николаевич Оглоблин отмечал по этому поводу, что почти все сибирские воеводы оставили о себе дурную память в массе производившихся о них сысках. В результате исследования 106 сыскных дел XIX столетия, хранившихся в Сибирском приказе, Н. Н. Оглоблин обнаружил, что 52 дела были посвящены злоупотреблениям воевод, и сделал следующее заключение: «получается настолько яркая картина воеводского самоуправства, бесчинств и всяких злоупотреблений, ложившихся страшным гнетом на население, что можно в ужас прийти от этой картины и нужны слишком крепкие нервы, чтобы ее нарисовать» [7, с. 179].

Один из немногих способов противодействия вседозволенности царских наместников – челобитие, практиковавшийся податным населением для изобличения злоупотреблений, в сибирских реалиях за дальностью расстояний являлся малоэффективной и недейственной

² Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов ; под ред. чл. отд. В. И. Вагина. Иркутск, 1883. С. 119 (779 с.).

формой борьбы с лихоимством. Как правило, попытки подачи жалобы на неправомерные действия воевод пресекались последними самым жестоким образом. Гонимые с челобитными перехватывались на пути в Москву. Сами же «жалобщики» попадали под жесточайшие репрессии. В тех случаях, когда челобитные все-таки достигали Сибирского приказа, от момента подачи жалобы до начала расследования зачастую проходило несколько лет. При этом направляемые для смены и расследования злоупотреблений воеводы нередко и сами превосходили своих предшественников жаждой наживы.

Таким образом, одним из самых действенных способов борьбы с безудержным стремлением сибирских воевод к обогащению оставалось вооруженное противодействие на местах. Наиболее наглядно это продемонстрировала «шатость», произошедшая с властью красноярских воевод в 1695–1698 гг., когда вследствие многочисленных злоупотреблений в условиях бесконтрольности со стороны метрополии единственным выходом для жителей Красноярска оказалось смещение царских наместников при помощи вооруженной силы.

Из дошедших до нашего времени источников известно, что смута в Красноярске разгорелась благодаря лихоимству братьев Алексея Игнатьевича и Мирона Игнатьевича Башковских. Первый исправлял обязанности красноярского воеводы с 1694 по 1695 г., второй – с августа 1695 по август 1696 года.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, не прошло и года с момента назначения А. И. Башковского, как на него «посыпались челобитья служилых, жилецких и ясачных людей, обвинявших воеводу в лихоимстве и всевозможных обидах и разорениях». Не ограничиваясь поборами с местных жителей, воевода брал «великия взятки» деньгами, товарами и «ясырем» с приезжавших в Красноярск бухарских и калмыцких торговых людей. В результате калмыцкие и киргизские «воинские люди» приходили войною на Енисейский и Красноярский уезды. В связи с этим красноярцы в своих челобитных обвиняли А. И. Башковского не только как «воеводу грабителя и разорителя», но и как изменника (в «изменном деле») [8, с. 5].

Решив в конечном счете, что с таким воеводой «жить не мочно», красноярцы подняли бунт. 16 мая 1695 года боярские дети Трифон Еремеев, Дмитрий Тюменцов, Конон Самсонов, Григорий Ермолаев и Алексей Ярлыков объявили воеводе Алексею Башковскому, что «отказывают ему от воеводства», после чего бунтующие приступили к грабежу воеводского имущества. Последнему оставалось лишь бежать в Енисейск.

Назначенный воеводой вслед за братом Мирон Башковский дознание о злоупотреблениях своего предшественника проводить не стал, а, наоборот, пригрозил красноярцам «город выжечь и вырубить». Вследствие этого спустя год был осажден бунтующими жителями города в крепости и бежал в Енисейск.

Похожая участь постигла и прибывшего 20 августа 1696 года на смену братьям Башковским стольника Семена Ивановича Дурново. Среди прочего новому воеводе было поручено произвести розыск о злоупотреблениях своих предшественников. Однако ожиданий красноярцев С. И. Дурново не оправдал. Более того, 18 октября 1697 года и самого воеводу обвинили в прямом взяточничестве. Из текста челобитной, поданной от имени 16 служилых людей, следовало, что с атамана пеших казаков Федора Кольцова, назначенного в 1697 г. для ясачного сбора в Канской острог, с 20 казаками, воевода взял «посулу» из их жалованья 40 руб. Столько же Дурново взял из жалованья 40 «годовальщиков», посланных на службу в Верхний Караульный острог. Попытавшегося подать челобитную на злоупотребления казака И. Трофимова воевода велел «бить батоги на смерть» [8, с. 5]. В результате Дурново с трудом удалось избежать гибели. Разъяренные красноярцы схватили воеводу и хотели топить в Енисее. Однако в последний момент передумали и посадили царского наместника в лодку, отправив в Енисейск.

Примечательно, что, по мнению Н. Н. Оглоблина, «во время шатости только у меньшинства красноярцев бродили мечты о возможности устроиться самостоятельно навсегда... большинство же мечтало об одном – об избавлении от лихих воевод». «На свои же бунты, – утверждает автор, – оно смотрело как на протесты против воеводских насилий и разорения, и как на урок зарвавшимся воеводам» [8, с. 5].

Подобные проявления народного негодования одновременно с экономическим ущербом от расхищения пушной казны и различных сборов не могли остаться без внимания правительства. Уже со второй половины XVII столетия для проведения дознаний о злоупотреблениях в Сибири стали посылаться сыщики – отдельные доверенные лица с достаточно широкими полномочиями.

Первый известный нам сибирский розыск был организован в 1665–1668 гг. Для расследования «всех воевод и таможенных голов, неправды их и плутости» из Тайного приказа в Якутск, Мангазею, Сургут, Енисейск и Красноярск направили жильца Ф. Охлопкова [9, с. 180]. В материалах Сибирского приказа сохранилась «ропись» раскрытых сыщиком злоупотреблений якутских воевод Михаила Семеновича Ладыженского и Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова [7, с. 5].

Спустя почти тридцать лет, 21 февраля 1696 года, был объявлен именной указ об организации сыска в сибирских городах думному дьяку Даниле Леонтьевичу Полянскому и дьяку Даниле Берестову. Известно, что ревизия проводилась по инициативе и под непосредственным контролем Петра I. Сыщикам предписывалось проводить следствие в отношении тех сибирских воевод, на которых падало подозрение о злоупотреблениях и расхищении казны, махинациях с таможенными и питейными сборами.

По сведениям Н. Н. Оглоблина, «правительство придавало большое значение этому розыску и всячески ему содействовало». Неслучайным поэтому являлось участие в «большом сыске» Д. Л. Полянского, имевшего, по сведениям Натальи Дмитриевны Зольниковой, «за плечами 32 года работы в важнейших приказах государства, в том числе 20 лет в чине думного дьяка» [9, с. 181]. Результаты розыска о воеводских злоупотреблениях в Сургуте, Нарыме, Красноярске, Енисейске, Илимске и Якутске выразились в обширном материале, состоящем из 16 отдельных «сысков».

По мнению Н. Н. Оглоблина, такая энергичная деятельность сыщиков вызвала страшную ненависть против них со стороны сибирских служилых людей, выразившуюся наконец в том, что на самих сыщиков посыпались обвинения в разных злоупотреблениях [7, с. 134]. Немаловажное значение при этом имело и то, что, по мнению российского исследователя Геннадия Фёдоровича Быкони, «по отношению к красноярцам он [Д. Л. Полянский] действовал традиционно, в духе сословной корпоративности и солидарности с прежней администрацией» [10, с. 145].

В результате по царскому указу 4 декабря 1701 года сами сыщики попали под следствие и были отправлены в Сибирский приказ для допроса «относительно взведенных на них обвинений» [7, с. 135].

Вместе с тем уже в начале XVIII столетия борьба с проявлениями должностной преступности начинает приобретать более действенные формы. Издаётся целый ряд царских указов, направленных на ужесточение государственной политики в области противодействия незаконному обогащению царских чиновников.

Указами от 5 марта 1711 года № 2331 и от 17 марта 1714 года № 2786 вводится своеобразная система надзора, опирающаяся на деятельность фискалов, изображавших в провинциях, по выражению В. А. Андриевича, «царское око» [11, с. 91]. Руководящая роль при этом отводилась обер-фискалу, который опирался в проведении дознаний

о тех или иных злоупотреблениях на подведомственных ему фискалов и провинциал-фискалов³.

Фискальская служба, по мнению отечественных исследователей Дмитрия Олеговича Серова и Александра Вячеславовича Федорова, «стала, в современном понимании, еще и органом уголовного преследования, т. е. была правомочна осуществлять процессуальную деятельность в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Авторы утверждают, что именно фискальской службе и «майорским» канцеляриям довелось принять на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями в ходе непрерывных реформ [12, с. 387].

Как следствие, первые громкие разоблачения крупных случаев лихоимства среди сибирских чиновников в петровскую эпоху принадлежали царским фискалам. В этой связи современный исследователь Е. В. Самарина пишет о том, что «сибирский провинциал-фискал доносил: все служащие в Сибири чиновники, да и сам губернатор, а также его служители, берут взятки и чинят разорение народу» [13, с. 12]. Вероятно, по этой причине, по сведениям Виталия Иннокентьевича Зоркина, в 1718–1719 гг. в Иркутске побывал обер-фискал Нестеров [14, с. 159].

Дальнейшим развитием законодательной базы в борьбе с лихоимством являлся указ от 25 августа 1713 года № 2707, согласно которому у тех, кто «в чем ни есть, каким вымыслом или за взятку учинил преступление», изымалось все движимое и недвижимое имущество. Сами преступники подлежали казни. Такая же санкция ожидала и тех, кто «в подкупах или в подряде судей и всяких чинов к неправде скупают посулом». При этом не оставались без внимания надзорные и судебные органы, в отношении которых особо указывалось: «Ежели кто вышеописанные вины впадшего пощадит, то сам тою казною казнен будет»⁴.

Указом от 24 декабря 1714 года № 2871 «О запрещении взяток и посулов и о наказании за оные» вводился прямой запрет для всех «чинов, которые у дел приставлены больших и малых духовных, военных, гражданских, политических, купеческих, художественных» на сбор «посулов казенных и с народа собираемых денег торгом, подрядом и прочими вымыслами». Само преступное деяние в этом указе впервые стало называться «лихоимство». Наряду с уже сложившимися принципами наказания за лихоимство, помимо требования о всенародном оглашении, указ персонализировал ответственность должностных лиц, предписывая «всем у дела будучи к сему указу приложить руки»⁵.

Для реализации требований вышеназванного указа 20 июня 1716 года в сибирские города Сургут, Нарым, Кетск, Томск, Кузнецк, Енисейск, Мангазею, Красный Яр, Иркутск, Нерчинск, Илимск и Якутск был командирован полковник Агеевич Ельчин Яков. «На него, – пишет В. И. Зоркин, – было возложено: выяснить – чем вызывается недобор в государевых податях и ясачном сборе» [14, с. 158].

Опубликованные в 1720 г. указ № 3601 «О разных Государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота» и указ № 3648 «О рачительном сборе податей и наказании за взятки» отчасти дублировал требования указа 1713 г. «О пресечении грабительств в народных сборах...» как в определенной сфере административной деятельности, так и в области санкций о том, чтобы «у таких злодеев,

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 4. С. 643; ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 89.

⁴ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 51.

⁵ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 136.

имение их движимое и недвижимое отписывать на Великого Государя, а их казнить смертию»⁶.

Такое пристальное внимание законодателей, уделявшееся проблеме распространения лихоимства, бесспорно, указывало на то, что взяточничество стояло в центре всех злоупотреблений должностных лиц петровской эпохи.

Вместе с тем, как отмечает главный научный сотрудник центра истории России XIX – начала XX века Института российской истории РАН Любовь Федоровна Писарькова, «обилие таких законов красноречиво свидетельствует как о распространенности должностных преступлений, так и безуспешности борьбы правительства с этим злом». По мнению автора, даже введение в 1715 г. фиксированного жалованья всем гражданским служащим не привело к искоренению злоупотреблений [15, с. 33].

К похожему выводу приходит и современный отечественный исследователь Анастасия Витальевна Прокопчук, которая отмечает в своей работе: «несмотря на развитие антикоррупционного законодательства, предупреждающие и контролирующие меры, предпринятые Петром Первым, не привели к существенным результатам» [16, с. 120].

Отчасти выводы Л. Ф. Писарьковой и А. В. Прокопчук подтверждаются дальнейшим развитием юридической казуистики, связанной с фактическим саботированием требований правительства на местах. В частности, как следовало из сенатского указа от 21 мая 1720 года, требования, содержащиеся в указе от 24 декабря 1714 года № 2871, о «подписке по оному указу без всякого отлагательства» на местах не выполнялись. Сенаторы констатировали, что «из губерний такие ведомости в сенат присланы ли были, или не присланы, о том не ведомо, потому, что таких ведомостей (кроме одной Рижской губернии) в Сенате не сыскано». Таким образом, по прошествии шести лет после опубликования указа «О запрещении взяток и посулов и о наказании за оные» законодателям пришлось повторно требовать у чиновников на местах «приложения руки тем, кто у дел» к первоначально присланным указам и отсылке их в Сенат для хранения⁷.

Примечательно, что саботирование требований метрополии со стороны местных администраций находило определенную поддержку в пассивном отношении самого податного населения. По сведениям Л. Ф. Писарьковой, «население, со своей стороны, безропотно воспринимало многочисленные поборы должностных лиц как обязанность кормить начальство» [15, с. 34].

В подобных условиях, как утверждал дореволюционный историк Сергей Александрович Князьков, «брали все, и комиссары, и камериры, и воеводы, и судьи, и все это признавали, когда дело доходило до следствия» [17, с. 234]. Таким образом, сложившиеся на востоке страны устои не претерпели особых изменений и в результате петровских реформ. Как отмечал П. М. Головачев, «с Петра, побор стал более утонченный и скрытый... нравы же прежних служилых людей перешли и к старым приказным, от бояр воевод к губернаторам» [5, с. 5].

Дело Сибирского губернатора князя М. П. Гагарина в этом отношении оказалось не только одним из самых крупных разоблачений петровской эпохи, но и своеобразным отражением отношения вновь вводимого чиновничьего аппарата к получению незаконных прибылей за счет службы.

⁶ ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 6. С. 205; ПСЗРИ : [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 6. С. 241.

⁷ Законодательство Петра I, 1696-1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2014. С. 303.

В ходе следствия, инициированного сообщениями обер-фискала А. Я. Нестерова «о взятках и сибирскому народу разорении, учиненных сибирскими майорами, комендантами, комиссарами и губернатором М. П. Гагариным»⁸, ассессором следственной канцелярии гвардии майора И. И. Дмитриева-Мамонова, гвардии майором И. М. Лихаревым были выявлены доказательства по 35 эпизодам злоупотреблений властью, значительная часть которых заключалась в получении взяток и крупных хищениях [18, с. 27].

В этой связи современные исследователи П. П. Баранов и А. А. Шапошников указывают, что по результатам одной только проверки бухгалтерских книг за 1713–1717 гг. князю М. П. Гагарину была предъявлена недоимка по доходам от Сибирской губернии в сумме 305 554 руб. [19, с. 180], вследствие чего по совокупности с иными проступками «не ожидая окончания разборки дел, привезенных Лихаревым из Сибири «о худых делах» Гагарина, последовало другое высочайшее повеление «повесить Гагарина на четыре месяца», что и было исполнено 16 марта 1721 года», – сообщает дореволюционный историк Георгий Ефремович Катанаев [20, с. 129].

В дальнейшей работе следствия, помимо преступлений самого князя, оказались раскрыты злоупотребления большой группы сибирских чиновников. В связи с этим уже в 1719 г. в правительственном делопроизводстве майорскую канцелярию все чаще именовали «Сибирской».

Не менее трагично завершилась и карьера другого сибирского чиновника – Иркутского вице-губернатора Алексея Ивановича Жолобова. Выходец из московских дворян, добившийся, по сведениям отечественных исследователей, высокого положения в администрации Российской империи исключительно благодаря своим качествам офицера Петровской армии, статский советник А. И. Жолобов был назначен иркутским вице-губернатором 31 января 1731 года [21, с. 569].

За время своего правления в Иркутской провинции А. И. Жолобов оставил довольно неоднозначный след. Одним он запомнился тем, что «в канцелярских делах был заобычен, а в судных разсудителен, и во время правления его колодников имелось малое число, в собрании казенных сборов был радетелен и своим старанием соборную церковь застроил». Другие знали Жолобова как начальника, чинившего «к богатым прицепки по причинам, с коих и взятки брал, также и промышленникам, у коих сроки паспортам минули, за взятки новые давал» [22, с. 140].

По сведениям иркутского краеведа Вадима Петровича Шахерова, за свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции он сумел «правдами и неправдами» нажить почти 35 тыс. руб. «Своих же противников, – пишет автор, – он пытал безвинно и при пытках жег огнем» [23, с. 70].

Достаточно разносторонний анализ деятельности вице-губернатора Жолобова содержится в исследовании Михаила Олеговича Акишина. Характеризуя личность вице-губернатора, ученый отмечает у него четкое для начала XVIII в. понимание принципа законности, в связи с чем приводит факты о преследовании Жолобовым за лихоимство подведомственных воевод. Так, в отношении Нерчинского воеводы И. С. Литвинцева в 1731 г. вице-губернатором было инициировано дознание о «поборах с ясачных тунгусов, казнокрадстве и приеме в российское подданство за взятки «мунгальских выходцев». При этом самого Литвинцева, по указанию Жолобова, держали «за караулом», а его «пожитки» были конфискованы.

⁸ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 5. С. 609.

Другого воеводу – Ф. И. Жадовского, управлявшего якутским уездом, вице-губернатор обвинил в получении взяток с таможенников и в том, что «...делал гражданству обиды, великия взятки, неповинно людей пытал, инья невинья с розысков и померли». За что первоначально, так же, как и Нерченского воеводу Жадовского арестовали и содержали в канцелярии «якобы сущего злодея в чеши и в железах». Однако в дальнейшем, как пишет М. О. Акишин, «подействовали «презенты»... и Жолобов даже стал оказывать покровительство Жадовскому» [21, с. 575].

Вышеуказанные факты достаточно хорошо характеризовали своеобразное отношение вице-губернатора к взяточничеству, когда Жолобов отрицал возможность личной наживы на гражданской службе, но готов был получать подарки от подчиненных. Оправдывал он такие поборы, по сведениям М. О. Акишина, следующим образом: «Да ни один воевода в Сибирь з дарами не езживал, все за подарками приезжали, только б не утратил кто интереса. Ай и в Москве у дел кто ни есть, и в Тобольску, и везде хлеб едят» [21, с. 576].

Подобная логика послужила тому, что, исходя из показаний воеводы И. С. Литвинцева, «Жолобов оставил в России около 1500 китайских перебежчиков и поселил в Нерчинском ведомстве, взяв подношение в 86 верблюдов и 93 лошадей...от винных подрядчиков он взял 2 350 руб., с Гранина взял 500 руб. за укрывательство убийства, с Бренчалова взял от мировой челобитной 800 руб., собрал «больша тыщи рублей» с выборных крестьянских слобод, получил за снижение ясака с трех родов тунгусов взятку «немалую» [21, с. 590].

Все эти деяния Жолобова в числе прочих злоупотреблений легли в основу следствия, начатого летом 1733 г. бригадиром Алексеем Михайловичем Сухаревым. В 1736 г. бывший вице-губернатор был вначале заключен в Петропавловскую крепость, а затем 1 июля, согласно именному указу Анны Иоанновны, казнен через отсечение головы. В числе 16 пунктов обвинений, вменяемых Жолобову, фигурировали «немалые, великие и лихоимствующие взятки», через которые он нажил 34 821 руб.⁹.

В современных исследованиях, посвященных деятельности первого вице-губернатора Иркутска, нет однозначных выводов о степени виновности А. И. Жолобова и причинах столь жесткого приговора. Тем не менее очевидно, что в некоторых случаях чиновник новой петровской формации Алексей Иванович Жолобов следовал старым, сложившимся со времен кормления обычаям получения излишних поборов с подведомственных ему лиц.

Традиции кормления, сохранявшиеся в XVIII столетии в служилой и чиновничьей среде, в Сибири усугублялись спецификой военных форм ее освоения. Спустя годы они нашли свое искаженное отражение в дальнейшем административном устройстве края. В результате лихоимство в сознании сибирских чиновников того времени представлялось естественным явлением, хотя и противоправным с точки зрения царских указов.

Практически неограниченные полномочия царских наместников, интегрированные жадной наживы, вели к всеобъемлющим злоупотреблениям, когда большая часть административных ресурсов направлялась на личное обогащение. В связи с этим организация ясачного сбора, приносящего значительные прибыли даже рядовым исполнителям, превращалась на местах в личный источник доходов чиновников и выливалась не только в многочисленные взятки за саму возможность сбора налога, но и в опосредованный откровенный грабеж коренного населения.

⁹ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. – СПб., 1830. – Т. 9. – С. 877.

Предельное удаление от метрополии исключало как эффективный контроль за деятельностью царских наместников, так и своевременное реагирование на жалобы, что порождало полное ощущение безнаказанности. Сосредоточение в одних руках всей полноты властных полномочий позволяло последним не только увеличивать объемы незаконного обогащения, но и инициировало насильственные действия с целью принуждения к даче взятки.

Единственный легитимный способ изобличения лихоимства – подача челобитной в сибирских реалиях за дальностью расстояний был практически недейственным. Попытки жалоб на неправомерные действия воевод пресекались последними самым жестоким образом. В тех же случаях, когда информация о злоупотреблениях все-таки доходила до центральных властей, направляемые для смены и расследования преступлений воеводы нередко сами превосходили своих предшественников жадной наживы.

Возникшее на основе кормления и выражавшееся первоначально в превышении установленных норм податных сборов лихоимство как способ незаконного получения доходов в сибирских реалиях приобрело наиболее агрессивные формы и оказало всеобъемлющее влияние на местное администрирование. Именно этот вид должностной преступности нашел наибольшее отражение в деятельности как царских наместников воевод, так и чиновников новой формации – губернаторов и вице-губернаторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анциферов К. Взятничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 2. С. 1–54.
2. Ширяев В. Н. Взятничество и лихоимство в связи с общим учением о должностных преступлениях (уголовно-юридическое исследование). Ярославль, 1916. 570 с.
3. Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй : ист.-юрид. исслед. (период 28 июня 1762 г. – 7 нояб. 1775 г.). СПб. : т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1901. 345 с.
4. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.
5. Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии : этюд по истории Сибири XVIII века. М. : Типография В. Ф. Рихтер, 1889. 127 с.
6. Андриевич В. К. История Сибири : Ч. 2 : Период с 1660 года до воцарения императрицы Елисаветы Петровны : сост. по данным, представляемым Полн. собр. законов и актам Петровского царствования. СПб. : тип. и лит. В. В. Комарова, 1889. 487 с.
7. Оглоблин Н. Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895. 422 с.
8. Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695–1698 годов : (Очерк из истории народных движений в Сибири). Томск : Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1902. 47 с.
9. Зольникова Н. Д. Сыск Д. Л. Полянского и «письма» Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 180–220.
10. Быконя Г. Ф. История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX века. Издание 2-ое, дополненное и переработанное. Красноярск : Офсет, 2000. 846 с.
11. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым полным собранием законов : в 5 т. Т. 2 : (от 1700 до 1741 г.) / сост. В. К. Андриевич. Иркутск : Типография Окружного Штаба, 1886. 364 с.

12. Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I : науч. издание. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательская группа «Юрист», 2019. 432 с.
13. Самарина Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 11. С. 12--8.
14. Зоркин В. И. Иркутские градоначальники. Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764). Кн. 1. Иркутск : «Репроцентр А1», 2011. 538 с.
15. Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» князей Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.
16. Прокопчук А. В. Антикоррупционная политика Петра Первого // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 116–122.
17. Князьков С. А. Очерки из истории Петра Великого и его времени. Москва : Т-во И. Д. Сытина, 1909. 684 с.
18. Толочко А. П., Коновалов И. А. Борьба с коррупцией в верхних эшелонах власти в Сибири в первой половине XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 3 (35). С. 25–32.
19. Баранов П. П., Шапошников, А. А. Дело князя М. П. Гагарина: начало российского аудита // Экономическая история России. 2016. №10. С. 173–174.
20. Катанаев Г. Е. Князь Матвей Петрович Гагарин. Генеральный президент Сибирского приказа и сибирских провинций судья. Московский комендант и всея Сибири губернатор. (Первый сибирский автономист): Сибирь эпохи Петра Великого / Государственное учреждение «Государственный архив Омской области» ; сост. Л.И. Огородникова. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 208 с.
21. Акишин М. О. Честь, служба и домашний быт российских дворян в их личной переписке 1730-х гг. // Русское средневековье : сб. ст. в честь проф. Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М. : Древлехранилище, 2012. С. 569–598.
22. Первое столетие Иркутска : сб. мат-лов для истории города с «Введением» и заключит. ст. прив.-доц. П.М. Головачева: «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в. В память 250-летия Иркутска». СПб. : В. П. Сукачев, 1902. 187 с.
23. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. 512 с.

REFERENCES

1. Antsiferov K. Vzyatochnichestvo v istorii russkogo zakonodatel'stva (do perioda svodov) [Bribery in the history of Russian legislation (before the period of codes)]. Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava – Journal of Civil and Criminal Law. 1884, no. 2, pp. 1-54.
2. Shiryaev V. N. Vzyatochnichestvo i lihodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnyh prestupleniyah (ugolovno-yuridicheskoe issledovanie) [Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes (criminal law research)]. Yaroslavl, 1916, 570 p.
3. Gribovsky V. M. Vysshij sud i nadzor v Rossii v pervuyu polovinu carstvovaniya imperatricy Ekateriny Vtoroj: Ist.-jurid. issled. (Period 28 iyunya 1762 g. - 7 noyab. 1775 g.) [The Supreme Court and supervision in Russia in the first half of the reign of Empress Catherine the Second: Ist.-jurid. research. (Period June 28, 1762 - November 7, 1775)]. St. Petersburg, 1901, 345 p.

4. Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Izd. 2-e, ispr. i dop. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd edition, ispr. and add.]. St. Petersburg, 1892, 720 p.
5. Golovachev P. M. Sibir' v Ekaterininskoj komissii: etyud po istorii Sibiri XVIII veka [Siberia in the Catherine Commission: a study on the history of Siberia of the XVIII century]. Moscow, 1889, 127 p.
6. Andrievich V. K. Istoriya Sibiri: CH. 2: Period s 1660 goda do vocareniya imperatricy Elisavety Petrovny: sost. po dannym, predstavlyaemym Poln. sobr. zakonov i aktam Petrovskogo carstvovaniya [The history of Siberia: Part 2: The period from 1660 to the accession of Empress Elizabeth Petrovna: comp. according to the data provided by the Full Collection. laws and acts of Peter the Great's reign]. St. Petersburg, 1889, 487 p.
7. Ogloblin N. N. Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.). CH. 1. Dokumenty voevodskogo upravleniya [Review of columns and books of the Siberian order (1592-1768). Part 1. Documents of the voivodeship administration]. Moscow, 1895, 422 p.
8. Ogloblin N.N. Krasnoyarskij bunt 1695-1698 godov : (Ocherk iz istorii narodnyh dvizhenij v Sibiri) [Krasnoyarsk riot of 1695-1698: (An essay from the history of popular movements in Siberia)]. Tomsk, 1902, 47 p.
9. Zolnikova N. D. Sysk D. L. Polyanskogo i "pis'ma" Izbranta Idesa [Sysk D. L. Polyansky and the "letters" of Robert Ides]. Publicistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma – Journalism and historical writings of the period of feudalism. Novosibirsk, 1989, pp. 180–220.
10. Bykonya G. F. Istoriya Krasnoyarska. Dokumenty i materialy. XVII- pervaya polovina XIX veka. Izdanie 2-oe, dopolnennoe i pererabotannoe [The history of Krasnoyarsk. Documents and materials. XVII- the first half of the XIX century. 2nd edition, expanded and revised]. Krasnoyarsk, 2000, 846 p.
11. Andrievich V. K. Historical sketch of Siberia according to the data provided by the Complete Collection of Laws: In 5 volumes [Historical sketch of Siberia according to the data provided by the Complete Collection of laws: In 5 volumes]. Irkutsk, 1886, vol. 2, 364 p.
12. Serov D. O., Fedorov A. V. Dela i sud'by sledovatelej Petra I: nauchnoe izdanie. 2-e izd., pererab. i dop. [The cases and fates of Peter the Great's investigators: a scientific publication. 2nd ed., reprint. and additional]. Moscow, 2019, 432 p.
13. Samarina E. V. Bor'ba sibirskih ostrogov za pravo sbora yasaka u korennyh narodov YUzhnoj Sibiri v XVII v. [The struggle of Siberian prisons for the right to collect yasak from the indigenous peoples of Southern Siberia in the XVII century]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya – Humanitarian scientific research. 2012, no. 11, pp. 12-18.
14. Zorkin V. I. Irkutskie gradonachal'niki: Voevody i vice-gubernatory (1661 – 1764). Kn.1. [Irkutsk mayors: Voivodes and vice-governors (1661-1764). Book 1]. Irkutsk, 2011, 538 p.
15. Pisarkova L. F. K istorii vzyatok v Rossii (po materialam «sekretnoj kancelyarii» knyazej Golicynyh pervoj poloviny XIX v.) [On the history of bribes in Russia (based on the materials of the "secret office" of the Princes Golitsyns of the first half of the XIX century.)]. Otechestvennaya istoriya – Russian History. 2002, no. 5, pp. 33-49.
16. Prokopchuk A. V. Antikorrupcionnaya politika Petra Pervogo [The anti-corruption policy of Peter the Great]. Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii – Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. 2018, no. 4 (68), pp. 116-122.
17. Knyazkov S. A. Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni [Essays from the history of Peter the Great and his time]. Moscow, 1909, 684 p.

18. Tolochko A. P., Konovalov I. A. Bor'ba s korrupciej v verhnih eshelonah vlasti v Sibiri v pervoj polovine XVIII v. [The fight against corruption in the upper echelons of power in Siberia in the first half of the XVIII century]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» – Vestnik of Omsk University. The series "Historical Sciences". 2022, no. 3 (35), pp. 25-32.

19. Baranov P. P., Shaposhnikov A. A. Delo knyazya M. P. Gagarina: nachalo rossijskogo audita [The case of Prince M. P. Gagarin: the beginning of the Russian audit]. Ekonomicheskaya istoriya Rossii – The Economic History of Russia. 2016, no. 10, pp. 173–174.

20. Katanaev G. E. Knyaz' Matvej Petrovich Gagarin. General'nyj prezident Sibirskogo prikaza i sibirskih provincij sudiya. Moskovskij komendant i vseya Sibiri gubernator. (Pervyj sibirskij avtonomist): Sibir' epohi Petra Velikogo [Prince Matvey Petrovich Gagarin. The General President of the Siberian Order and the Siberian provinces is a judge. The Moscow commandant and the governor of all Siberia. (The first Siberian autonomist): Siberia of the era of Peter the Great]. Tyumen, 2005, 208 p.

21. Akishin M. O. Chest', sluzhba i domashnij byt rossijskih dvoryan v ih lichnoj perezpiske 1730-h gg. [Honor, service and home life of Russian nobles in their personal correspondence of the 1730s.]. Russkoe srednevekov'e: sb. st. v chest' prof. YU.G. Alekseeva – Russian Middle Ages: collection of articles in honor of Prof. Yu. G. Alekseev. Moscow, 2012, pp. 569-598.

22. Pervoe stoletie Irkutsk: Sb. materialov dlya istorii goroda s "Vvedeniem" i zaklyuchit. st. priv.-doc. P.M. Golovacheva: "Sostav naseleniya i ekonomicheskij byt Irkutsk do 40-h godov XVIII v. V pamyat' 250-letiya Irkutsk" [The first century of Irkutsk: Collection. materials for the history of the city with an "Introduction" and a conclusion. art. priv.-assoc. P.M. Golovacheva: "The composition of the population and the economic life of Irkutsk before the 40s of the XVIII century. In memory of the 250th anniversary of Irkutsk."]. St. Petersburg, 1902, 187 p.

23. Irkutsk v panorame vekov: ocherki istorii goroda [Irkutsk in the panorama of centuries: essays on the history of the city]. Irkutsk, 2002, 512 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074.

Статья поступила в редакцию 19.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 10.02.2025.

The article was submitted 19.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 10.02.2025.